ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 2005

© 2005 г. Р.Ф. КАСАТКИНА

МОСКОВСКОЕ АКАНЬЕ В СВЕТЕ НЕКОТОРЫХ ДИАЛЕКТНЫХ ДАННЫХ*

В статье предпринята попытка связать сегментные характеристики предударных гласных, а именно произношение широкорастворного *а* с просодическим уровнем, связанным с семантикой высказывания, с размещением в нем акцентов и с характером этих акцентов. Анализируемая особенность произношения характеризует не только московский говор, но и некоторые диалекты.

Аканье, т.е. неразличение гласных, в которых реализуются фонемы /а/ и /о/ в безударных позициях, на лингвогеографической карте русского языка представлено несколькими разновидностями: сильное аканье, диссимилятивное аканье с несколькими подтипами, ассимилятивно-диссимилятивное аканье и др. В литературном варианте русского языка, как известно, представлено сильное аканье, т.е. такое, при котором нейтрализация фонем /а/ и /о/ происходит во всех безударных позициях. Однако один и тот же фонологический тип вокализма, т.е. в данном случае сильное аканье, может базироваться на разных звуковых материях.

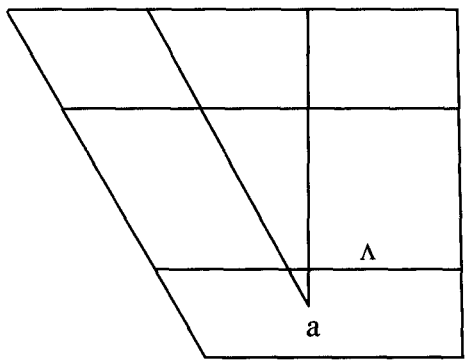
Произношение безударных гласных в городах центральной России, Поволжья, юга России, Урала, Сибири, севера России – это все разные звуковые субстанции, несмотря на один и тот же фонемный состав гласных. "Поджатое" аканье (по меткому определению С.С. Высотского) в городах на территориях с полным оканьем (север Европейской части России, Урал, Сибирь), рязанское "полоротое" аканье, по выражению В.И. Даля, "широкое" московское аканье – это все разновидности одной и той же фонологической модели предударного вокализма – сильного аканья. "Аканье" – термин многозначный. Он обозначает, с одной стороны, фонологическое неразличение, нейтрализацию гласных в безударных позициях, а с другой стороны, в более узком смысле, фонетическую реализацию нейтрализуемых фонем /а/ – /о/ в позиции 1-го предударного слога. В статье основное внимание уделяется именно этому аспекту аканья.

"Московское аканье" сильно отличается от многих региональных разновидностей аканья этого типа. Его особенностью, о которой много написано (см., например [Высотский 1973; 1984; Розанова 1984; 1988; Китайгородская, Розанова 1995; 1999]), является реализация фонем /а/ и /о/ в 1-м предударном слоге в широком открытом гласном. Диалектологам хорошо известно, что такой тип безударного вокализма представлен не только в московском городском говоре и в речи многих (но далеко не всех!) образованных москвичей, но также и в широком ареале окружающих Москву среднерусских говоров. Не останавливаясь на этом подробно, заметим только, что подобный тип вокализма поддерживается определенной ритмической (темпоральной, динамической и мелодической) схемой фонетического слова, которая свойственна словесной просодии не только акающих, но и окающих среднерусских говоров, например, владимирско-поволжских (см. [Высотский 1973: 35]). Такова же ритмическая ор-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), грант № 03-04-00181.

ганизация слова и в некоторых псковских и новгородских говорах (см. [Касаткина 1996; 1997]).

Несколько упрощая картину и оставаясь в пределах фонетики слова (т.е. не выходя на фразовый и, шире, текстовый уровень), представляется логичным различать только два типа реализации *а* в 1-м предударном слоге – в гласном нижнего, но несколько повышенного подъема среднего ряда, который может быть обозначен как [а^{э}] (широкорастворное *а*), и в гласном среднего подъема заднего ряда [ʌ] (узкорастворное *а*). Эти два гласных могут быть определены как центральный vs. задний, или как широкий vs. узкий звукотип русского *а*. Типология различий в пределах сильно акающих говоров строится в основном на противопоставлении этих двух гласных. Можно видеть расположение этих двух звуков в трапецоиде гласных.



Следовательно, широкорастворное *а* в соответствии с фонемами /а/ и /о/ характерно для диалектной и городской речи Центральной и Южной России, а также для реализации фонемы /а/ в речи населения тех городов, которые находятся в ареале неполного оканья – таких, как Нижний Новгород, Тверь, Самара, Саратов.

В типологии диалектных различий разных моделей предударного вокализма важную и особую роль играет диссимилятивное аканье в широком смысле этого слова.

Калужский говор, описанный Броком в начале века, является типичным для определенных ареалов южнорусского наречия. Система предударного вокализма в нем, как и во многих говорах южнорусского наречия, устроена по принципу диссимилятивного аканья, в основе которого лежит компенсаторная модель: при узких гласных под ударением в 1-м предударном слоге произносится широкий открытый гласный [а]: *к*[а]*пу́ста*, *сап*[а]*гу́*, *х*[а]*ди́ла*, *н*[а]*си́*, *з*['а]*мли́*, *н*['а]*су́* и т.д. Если под ударением широкий гласный [а], то в 1-м предударном слоге произносится редуцированный гласный [ə] (после мягких согласных [и]): *т*[ə]*ка́я*, *в*[ə]*да́*, *з*['и]*мля́*, *н*['и]*сла́* и др. под.). Для удобства дальнейшего изложения модель 1-го типа назовем а-моделью, второго – ə-моделью. Ареал распространения этого типа вокализма представлен на картах [ДАРЯ 1986].

Согласно предложенной в настоящей статье терминологии, в этих говорах представлены оба типа предударого *а*: в словах *а*-модели в 1-м предударном слоге фонемы /а/ и /о/ реализуются в широкорастворном гласном [а], в словах ə-модели – в узкорастворном [ə] (или [ʌ]).

Несмотря на характеристику московского аканья как "широкого", "открытого", до 60-х годов в работах по фонетике русского литературного языка предударный гласный на месте фонем /а/ и /о/ транскрибировался как [ʌ]. В Международном фонетическом алфавите (IPA) этот знак соответствует произношению нелабиализованного гласного заднего ряда среднего подъема, иными словами, гласного *о* без лабиализации. Возникает естественный вопрос, как могло возникнуть такое явное несоответствие между реальным произношением и его отражением в транскрипции? Обратимся к истории вопроса.

Знак [ʌ] впервые был введен в транскрипцию текстов литературного языка Л.В. Щербой в магистерской диссертации [Щерба 1912]. Щерба придерживался этой нотации и в последующих своих работах[1]. Авторитет академика Л.В. Щербы был очень высок, и, по-видимому, по этой причине в числе его последователей в отношении транскрипции оказались очень многие русисты.

Магия буквы, или в данном случае транскрипционного знака, может действовать завораживающе. Так, в наше время некоторые фонетисты пытаются даже строить какие-то реконструкции более ранних состояний вокалической системы русского языка на мнимом основании прежнего произношения предударного [ʌ], якобы сменившегося впоследствии произношением [а].

Последовательное произношение [ʌ] в 1-м предударном слоге в соответствии с нейтрализуемыми /а/ – /о/ – это как раз так называемое "поджатое аканье", упомянутое в начале статьи, или реализация фонем /а/–/о/ в звукотипе заднего ряда. Определяется такой тип предударного вокализма иной, чем в среднерусских говорах и в речи москвичей, артикуляционной базой, а именно более узким челюстным раствором и связанным с ним более задним положением тела языка (см. [Пауфошима 1978: 46–47]). Этот тип предударного вокализма характеризует речь бывших о́кальщиков (в данном случае имеется в виду полное оканье), например, речь городских жителей севернорусского диалектного ареала, Урала и Сибири. Такое же аканье характеризует и русскую речь других бывших окальщиков, например, украинцев, говорящих по-русски.

Стереотип такой транскрипции, просуществовавший в русской фонетике более полувека, был впервые разрушен в книге [Панов 1967][2]. М.В. Панов заменил символ [ʌ] знаком [а] – символом, который соответствует гласному среднего ряда нижнего подъема, т.е. тому гласному, который реально произносится в 1-м предударном слоге на месте нейтрализуемых фонем /а/ и /о/ в речи большинства носителей литературного языка.

М.В. Панов так пишет о гласном, изображаемом знаком [ʌ] – "Это гласный, который может произноситься в словах *вода́*, *ходи́ть*, *трава́*, *посади́ть* и т.д. (качественно он подобен английскому гласному [ʌ] в словах <...> *cut, butter*). Такое произношение, однако, свойственно не всем литературно говорящим по-русски, большинство вместо [ʌ] произносят безударный [а]. На слух очень похожи друг на друга, и отличить их можно только после серьезной "фонетической муштры" своего слуха" [Панов 1967: 45].

Добавим к этому, что произношение гласного заднего ряда вместо *а* в безударных позициях все-таки возможно, но только в определенном консонантном окружении. Наиболее яркий коартикуляционный эффект такого рода проявляется в позиции перед велярными и перед веляризованным *л*, напр., в словах *докла́д*, *кала́ч*, *толка́ть*, *толка́ч*, *стака́н*, *тако́й* (несколько иное консонантное окружение, способствующее реализации /а/ и /о/ в звукотипе [ʌ], обсуждается в работе [Розанова 1988]). Л.Л. Касаткин пишет по этому поводу: "В словах *дома́* и *дала́* обычно транскрибируют один и тот же предударный гласный [а^{э}]. Но при более точной транскрипции следует различать [да^{э}ма́] и [дʌла́]: звук [л] здесь воздействует на предударный гласный так же, как и на ударный", отодвигая его назад [Касаткин 2002: 39]. Но слова́ такого типа в речи не слишком частотны. Поэтому преобладающим для большинства позиций в системе московского аканья является звукотип а в 1-м предударном слоге, и его следует обозначать буквой [а], как и предложил М.В. Панов. Тот же способ транскрипции использовал в своих работах С.С. Высотский. Позднее Л.Л. Касаткин в учебниках по русскому языку ввел уточняющий значок [а^{ъ}] (а затем [а^{э}]), отражая тем самым некоторое

[1] Для Л.В. Щербы, родившегося в Белоруссии (в Минской губернии, народные говоры которой характеризуются диссимилятивным аканьем [Чекмонас 1987]) и долгое время прожившего в Киеве, в городе, в котором а́кающая речь основывается на иной, чем в центральной России, артикуляционной базе, произношение [ʌ] в соответствии с фонемами /а/, /о/ в 1-м предударном слоге было фоновым и потому привычным.

[2] В этом проявилось у М.В. Панова такое редко встречающееся качество, как способность непредвзято и критически относиться к устоявшимся в науке стереотипам.

повышение подъема предударного гласного по сравнению с гласным [а] под ударением (см. [Касаткин 1982: 90]).

Отказавшись от знака [^], М.В. Панов восстановил традицию, идущую от В.А. Богородицкого, Р.Ф. Брандта, Ф.Е. Корша, О. Брока, А.А. Шахматова, которые без колебаний определяли реализацию фонем /а/ и /о/ в 1-м предударном слоге как [а]. Традиция эта, как было показано, была прервана Л.В. Щербой.

Итак, коренное московское произношение никогда не характеризовалось "поджатым аканьем" – широкорастворное, открытое [а] в 1-м предударном слоге московской речи засвидетельствовано в домагнитофонную эпоху транскрипциями старших исследователей – В.А. Богородицкого, Й. Люнделля, Ф.Е. Корша, В.И. Чернышева, Р. Кошутича, позднее Д.Н. Ушакова. Такое произношение зафиксировано и в граммофонных и магнитофонных записях радио- и театральных спектаклей, а также звучащих образцов разговорной речи москвичей старшего поколения, хранящихся в фонотеке Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Однако многие вопросы, связанные с московским аканьем, до сих пор остаются нерешенными. Вот некоторые из них:

1. Зависит ли реализация гласных [а], [и], [ы], [у] (именно таков набор реализаций гласных фонем в 1-м предударном слоге) от качества гласного под ударением?

2. Как она зависит от позиции слова во фразе?

3. Есть ли различие между мужской и женской речью в этом отношении[3]?

Имеющиеся в литературе данные по квантитативным характеристикам гласных 1-го предударного слога не дают исчерпывающего ответа на эти вопросы (см., например [Болла 1968; Златоустова и др. 1968; de Silva 1999]).

Для выяснения всех этих вопросов было предпринято исследование синхронного состояния московского предударного вокализма с учетом названных факторов. Были составлены тексты, в которых двусложные логотомы типа тата́н, *тати́н*, *тато́н*, *тате́н*, *тата́н*, *тита́н*, *тыта́н*, *тута́н*, *тути́н*, *тэта́н* и т.п. были включены в рамочные конструкции, где эти квази-слова оказывались в разных фразовых позициях. Различия фразовых позиций были линейными (начало, середина, конец высказывания: например, *Тата́н – это слово. Слово тата́н повтори. Это слово – тата́н* и т.д.) и просодическими, т.е. акцентными (проминентными) и безакцентными: *Тата́н – это слово* и *Тата́н – это слово*; *Слово тата́н повтори* и *Слово тата́н повтори*). Варьировались гласные под ударением, а также и в 1-м предударном слоге, менялись фразовые позиции. Неизменным оставался только консонантный "костяк" логотомов – *т, т', н.*

Были сделаны компьютерные записи в wav-формате от восьми дикторов-женщин и шестерых мужчин. С помощью программы Speech Analyzer измерялась длительность гласных 1-го предударного слога и слога под ударением. Было получено и измерено 2240 гласных.

В статье приводятся предварительные результаты исследования. Измерения были проведены на всем записанном материале, что уже на этом этапе позволило сделать некоторые выводы общего характера. Для более тщательного анализа к настоящему времени были выбраны только те высказывания, которые включали слова́ *тата́н*, *тати́н*, *тита́н*, *тыта́н*, *тыти́н*, *тута́н*, *тути́н* и *титу́н*. Результаты усредненных измерений длительности некоторых гласных в произношении всех дикторов приведены в таблице 1.

[3] На материале русской разговорной речи этому вопросу посвящена работа [Земская, Китайгородская, Розанова 1993]. Но на статистически представительном материале кодифицированного произношения такого исследования еще не проводилось.

Таблица 1

Средняя длительность гласных в 1-м предударном и ударном слогах

1-й предударный слог			Ударный слог	
а	85	61	а	113
а	101	121	и	83
и	50	40	а	122
и	67	53	у	108
ы	55	46	а	114
ы	65	63	у	102

Примечание: В колонках 2 и 5 указана длительность гласного в *мсек*, в колонке 3 – отношение длительности предударного гласного к длительности ударного в %.

Предварительные итоги:

1. Из четырех возможных в 1-м предударном слоге гласных самыми краткими и неинтенсивными являются [и] и [ы]. Модификации по длительности, о которых будет сказано дальше, касаются и их, но именно [и] и [ы] во всех позициях несравненно короче и слабее двух других гласных. По полученным данным, длительность [и] в 1-м предударном слоге в разных контекстных и фразовых позициях составляет от 33 до 65 *мсек* (с преобладанием кратких реализаций), составляя в среднем 50 *мсек* (40% к длительности гласного *á* под ударением) для всего корпуса данных. Этот результат можно оценить должным образом, если сравнить его с данными для [а] в 1-м предударном слоге: длительность этого гласного колеблется от 80 до 150 *мсек*, составляя от 85 до 125% длительности гласного под ударением. Гласный [ы] характеризуется несколько большей длительностью, чем [и]. Еще большей длительностью характеризуется *у*, но окончательные подсчеты для него на нашем материале еще не проведены[4].

Наглядное представление о соотношении по длительности обсуждаемых гласных дают осциллограммы, приведенные на рис. 1.

Краткостью предударных [и] и [ы] в потоке речи объясняются некоторые фонетические явления в вокализме русского литературного языка. Прежде всего, с этой квантитативной характеристикой [и] и [ы] связаны многочисленные случаи эллипсиса этих гласных в позиции 1-го предударного слога. Вот несколько примеров из современных радиопередач, зафиксированных автором: *и*[н']*ца́тор*, *о*[с']*ти́нский*, [сс]*ла́ясь* (=ссыла́ясь), *за*[ш'ш']*а́я* (=защища́я), *пре*[з']*де́нт*, [т']*ма́шева* (=Тима́шева), [п']*са́тели* (=писатели), [с']*сте́ма* (=систе́ма), *с*[с]*на́рий* (=сцена́рий), [ч']*че́нцы*, [ч']*че́нский* и *че́нский* (=чече́нцы, чече́нский). Ср. также разговорную форму *щас* – из *с(ей)ча́с*. По-видимому, такое произношение было характерно для носителей литературного языка и раньше. Во всяком случае, оно отмечено в старых транскрипциях (например, у В.А. Богородицкого, О. Брока – *п'ка́рн'и* [Брок 1910: 132]), а также в записях разговорной речи второй половины XX века, например, у Г.А. Бариновой – *присоед(и)ня́юсь*, *нап(и)шу́*, *прин(е)су́*, *инст(и)ту́т*, *универс(и)тет*, *с(е)стра́* (см. также многочисленные примеры, приводимые Бариновой, из В.М. Жирмунского – *об(я)зательно*,

[4] Наше исследование показало, что объединять данные по трем гласным верхнего подъема, как это сделано в [Златоустова и др. 1968: 90], не следует – их квантитативные характеристики различны. Дальнейшее изложение покажет, что не рекомендуется также объединять в одну группу гласные *а, о, е* под ударением и рассматривать их как единую позицию, влияющую на реализацию предударных гласных.

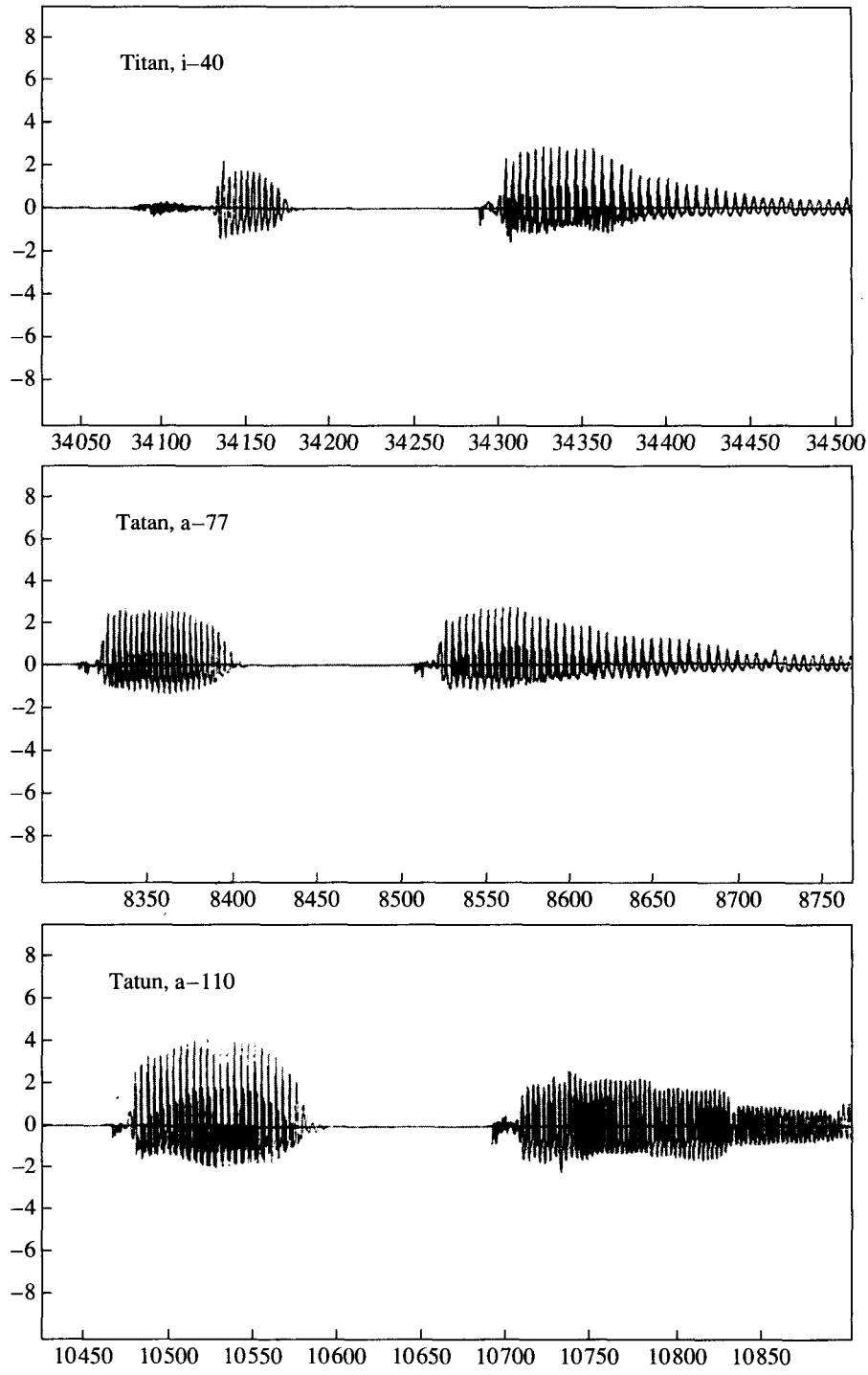


Рис. 1. Осциллограммы логотомов *титáн, татáн, татýн* (женский голос).

нап(и)сать, нап(и)шите, поч(и)таем и др., а также из записей С.М. Волконского – *яцперь (я теперь), я напьсала (я написала), моя сстра (моя сестра)* и др. [Баринова 1973: 45]. Подобные случаи отмечают и другие исследователи русской разговорной речи, например: *пон(и)ма́ете, у* [м'н'а́], *б(ы)ва́ют, нач(и)на́я*[5], *сэрше́нно* [Китайгородская, Розанова 1995: 12, 24, 33, 55]. Авторы указанной монографии фиксируют случаи эллипсиса гласных [и] и [ы] в текстах разговорной речи москвичей старшего поколения, обычно не отражая этого в комментариях. И только в комментарии к записи актрисы – информанта более молодого поколения – эти факты эксплицируются: авторы отмечают, что в ее речи наблюдается "...сильная количественная и качественная редукция первого предударного гласного (встречающаяся преимущественно в слабой фразовой позиции после мягких согласных)" [Там же: 60].

Многочисленны примеры такого рода и в текстах разговорной речи из более поздней монографии тех же авторов (см. [Китайгородская, Розанова 1999]). В подавляющем большинстве случаев эллипсис [и] наблюдается в позиции перед [а].

Имеющийся в нашем распоряжении статистически представительный материал подтверждает это положение, но и позволяет сделать одно уточнение: это справедливо не только для [и], но и для [ы], причем в разных фразовых позициях. Наиболее благоприятная контекстная позиция для этого – позиция перед *а́*, что вполне согласуется с приведенными примерами из записей русской разговорной речи. Случаи эллипсиса предударного [у] крайне редки, но отмечаются также и они, например, *де*[п°]*ма́ты, о*[ш']*ща́ется, про*[п°]*ска́.*

И здесь еще раз следует подчеркнуть, что материал, который позволил нам сделать наши предварительные выводы – это не материал спонтанной речи, а чтение подготовленного текста и магнитофонные записи радио- и телепередач, имеющие целевую установку на официальность.

С рассматриваемой количественной характеристикой предударных [и] и [ы] связана также и возможность стяжения гласных в хиатусах в тех случаях, когда в качестве первого компонента вокалического сочетания выступают именно эти гласные, а в качестве второго – *а́, о́.* В разговорной речи постоянно отмечаются случаи произношения, подобные следующим: [аф'ица́л'ныйъ, аф'ица́нт(ка), сп'ица́л'нъс'т', г'(ъ)о́р'на, т'атр] – *официа́льный, официа́нт(ка), специа́льность, Гео́ргиевна, теа́тр* [Баринова 1973: 68].

Произношение таких пар, как *Ля́на – лиа́на, Лио́н – лён, идио́т – идёт, орёл – ореа́л, Риа́д – ряд* и др. под. может совпадать во многих фразовых позициях, порождая омофонию[6].

Реализации вокалических сочетаний *-ыа́-, -ыо́-, иа́-, -ио́-* с диерезой первого компонента (*спец*[а́]*льный, офиц*[а́]*нт, офиц*[а́]*льный, офиц*[о́]*зный, традиц*[о́]*нный,* [с'а]*нс,* [р'а́]*льный, гран*[д'о]*зный* и др. под.), фиксируемое как весьма частотное в современной разговорной речи, также обязано своим появлением повышенной краткости гласных верхнего подъема в 1-м предударном слоге. В некоторых из этих слов и подобных им с вокалическими сочетаниями стяженное произношение уже кодифицировано (см. [Каленчук, Касаткина 1997]). Будучи краткими, гласные [и] и [ы] часто не отличаются по своим квантитативным характеристикам от формантных переходов, соединяющих предшествующие мягкие согласные с гласными *а, о.* Это можно видеть на спектрограммах слов *с лиа́ной – с Ля́ной* из фраз, прочитанных нашими информантами: *Бороться* с лиа́ной очень трудно и Вечером мы с Ля́ной идём в театр (см. спектрограммы на рис. 2).

---

[5] Буква в круглых скобках означает эллипсис соответствующего гласного.

[6] Такие произносительные казусы обыгрываются поэтами, сравни, например, четверостишие Н. Олейникова:

Я твой! Ласкай меня, тигрица!
Гори над нами страсти *ореол*!
Но почему с тобою мы не птицы?
Тогда б у нас родился маленький *орёл*.
(Цит. по Л. Чуковская. Дом поэта).

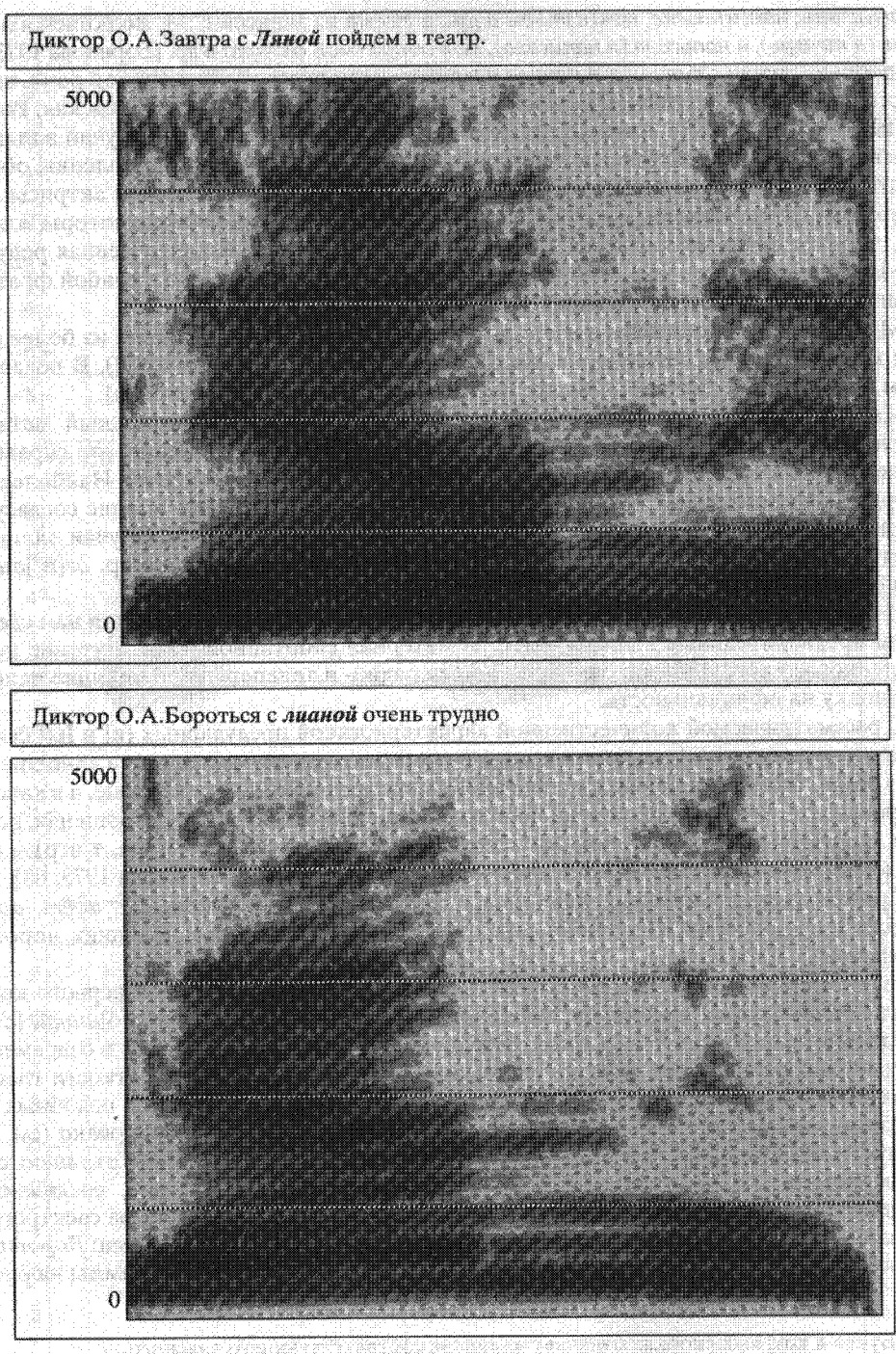


Рис. 2. На спектрограммах можно видеть сближение по длительности *и*-сегментов: в слове *с лианой* – реализации фонемы \и\, в слове *С Ля́ной* – *и*-образного перехода от палатализованного [л'] к [а].

Перед ударными гласными верхнего подъема и перед [е] наблюдается увеличение длительности предударного [и]. Длительность предударного гласного в таких сочетаниях обычно почти приближается к длительности гласного под ударением.

Этим объясняется обычное отсутствие диерезы первого компонента в таких случаях, как *триу́мф* (не **т*[р'у]*мф*), *алеу́т* (не **а*[л'у́]*т*), *демиу́рг* (не **де*[м'у́]*рг*), *пациéнт* (не **па*[цэ́]*нт*), *диéта* (не **[д'é]та*) и т.п. Впрочем, в безакцентных фразовых позициях такие стяженные формы все же иногда отмечаются.

Соответственно возрастает также и длительность предударного [у] в этих же позициях. С большей длительностью предударного *у* перед ударными гласными ненижнего подъема связан тот факт, что вокалические сочетания *уó* не подвергаются стяжению. Ср. произношение *суóми, виртуóз, Куóккала, Вуóкса*, где в разных фразовых позициях не отмечается диерезы предударного гласного.

2. Исследование показало, что длительность и интенсивность гласных 1-го предударного слога определяется качеством гласного под ударением: перед ударным *а* гласный [а] несколько сокращается и ослабляется, а в позициях перед другими гласными реализации *а* более длительны и интенсивны. Наиболее растянуты и усилены реализации *а* перед ударными гласными верхнего подъема. Тем самым можно сказать, что здесь действует принцип количественной диссимиляции[7]. Это утверждение справедливо не только по отношению к предударному [а], но и по отношению к другим предударным гласным: [и], [ы], [у] в позиции перед *á* также сокращаются и ослабляются, как было показано выше. Более длительные и интенсивные реализации этих гласных наблюдаются перед гласными верхнего подъема. Полученный результат свидетельствует о том, что просодический центр слова (под просодическим центром имеется в виду стержневая и наиболее устойчивая в фонетическом слове двучленная вокалическая структура, состоящая из ударного и 1-го предударного гласного)[8] в литературном языке (в его московском варианте) устроен как бы по принципу аптекарских весов – чем "весомее" (т.е. длительнее и интенсивнее) гласный в слоге под ударением, тем "легче" (короче и слабее) гласный 1-го предударного слога и наоборот.

Следует заметить, что в этом пункте наши данные несколько расходятся с результатами исследования предударного вокализма разговорной речи Н.Н. Розановой. Она пишет: "Данные спонтанной речи показывают, что в словах, реализующихся по модели типа *тъта:тá*, наличие в ударном слоге "узкого" или "широкого" гласного может и не оказывать воздействия на распределение предударных гласных по длительности" [Розанова 1988: 215]. Это расхождение объясняется различиями в использованном материале: в спонтанной речи участвует значительно большее количество интонационных составляющих, чем в чтении подготовленного текста, где слова определенной ритмической структуры заключены в рамочные конструкции: интонационный репертуар в таком жанре речи оказывается более скудным (С.С. Высотский писал по этому поводу: "Более постоянный вид фонетического слова обычно наблюдается в контексте без яркой эмоциональной окраски, в речи повествовательного стиля" [Высотский 1973: 34]).

Однако и в текстах русской разговорной речи наибольшее количество случаев вокалического эллипсиса и [ə]-образных реализаций предударного гласного на месте фонем /а/ и /о/ наблюдается именно в позиции перед [á]: *к(а)кáя, ск(а)зáл, пъкáзывает; къдá ът* [Китайгородская, Розанова 1995: 13, 26]. Приведенные выше случаи эллипсиса предударных [и], [ы] из упомянутой монографии также наблюдаются не перед гласными верхнего подъема.

---

[7] Подобное предположение было ранее высказано В.Н. Чекмонасом [Чекмонас 1987: 337].

[8] Термин "просодический центр" употреблен в [Пауфошима 1980], чему предшествовал термин Л.В. Златоустовой "центральная часть слова" с несколько иным смысловым наполнением.

Можно было бы предположить, что мы здесь имеем дело с некоторым универсальным правилом для русского предударного вокализма, однако данные диалектологии говорят о другом: имеются вокалические системы, основанные на ассимилятивном принципе, где наблюдается не только тембровое, но и количественное уподобление предударного *а* гласному [á] (см., например [Касаткина, Щигель 1995]), а также системы со слабо выраженной двуступенчатой редукцией, например, севернорусские говоры с полным оканьем, в которых соотношения предударного слога и ударного иные, чем в говорах остальных ареалов [Высотский 1973: 36; Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 47].

Итак, московский тип предударного вокализма можно с определенной долей осторожности определить как диссимилятивное аканье, основанное на количественной диссимиляции. При этом наше исследование показало, что не только предударное *а* вовлечено в компенсаторные количественные отношения с гласным слога под ударением, что обычно отмечается для диалектных систем с подобным типом вокализма. В системе московского предударного вокализма в компенсаторных отношениях участвуют и все остальные гласные, возможные в 1-м предударном слоге.

В диалектных системах с диссимилятивным аканьем количественные характеристики предударных гласных верхнего подъема не исследовались. По косвенным данным можно судить о вовлеченности в диссимилятивные квантитативные отношения лишь одного из них, а именно гласного *ы*: так, О. Брок, обследовавший в начале XX века калужские говоры с диссимилятивным аканьем, приводит случаи качественной редукции гласного *ы*, например, *бəла, слəхáл, нəрять, засəпáть* и т.п. [Брок 1916: 61]. Качественная редукция гласного в системах с диссимилятивным предударным вокализмом обычно сопровождается также и редукцией количественной. Подобные примеры из тех же говоров приводит и Л.Л. Касаткин, основываясь на слуховом анализе магнитофонных записей: *бəвáить, нэ бəкáх, аткрəвáть, бəлá*[9] и др. [Касаткин 1999: 435]. Факт вовлеченности гласного *ы* в диссимилятивные отношения позволяет сделать предположение о том, что в диссимилятивно акающих говорах и другие гласные верхнего подъема могут испытывать количественную редукцию в позиции перед *á* подобно тому, как это было нами отмечено для московского предударного вокализма.

Московское аканье в современном его виде – результат эволюции предударного вокализма от тембрового диссимилятивного аканья к количественному диссимилятивному аканью. Подобный путь проделали и вокалические системы многих других региональных идиомов (см., например [Белая 1974; Войтович 1972; Чекмонас 1987]). О неустойчивости систем с диссимилятивным аканьем можно судить также по их трансформациям в последние годы, иногда дающим другие результаты, чем в системе русского литературного языка, что нашло отражение в работах Д.М. Савинова [Савинов 2003а; 2003б].

Подводя итог этому разделу, можно сказать, что как данные спонтанной (и квазиспонтанной) речи, так и наши данные, полученные в лабораторных условиях, свидетельствуют о следах диссимилятивного аканья в современном литературном языке.

3. Полученные нами количественные характеристики гласных свидетельствуют о том, что в речи женщин диссимилятивный принцип организации просодического центра слова выдержан более последовательно, в то время как в речи мужчин наблюдается большая независимость длительности и энергии предударного гласного от качества гласного под ударением. Сопоставление усредненных данных по квантитативным характеристикам предударных и ударных гласных в квази-словах *татáн*, *титáн*, *татúн*, *титýн* для двух гендерных групп приведены в табл. 2.

[9] Примеры приведены в упрощенной кириллической транскрипции. – *Р.К.*

Таблица 2

Гендерные различия в длительности гласных

Женщины					Мужчины				
1-й предударный слог			ударный слог		1-й предударный слог			ударный слог	
а	83	64	а	130	а	87	92	а	95
и	50	38	а	130	и	50	43	а	115
а	110	122	и	90	а	92	123	и	75
и	63	57	у	107	и	49	47	у	102

Примечание: В колонке 2 указана длительность гласного в *мсек*, в колонке 3 – отношение длительности предударного гласного к длительности ударного в %.

Из приведенных в таблице данных видно, что более яркое проявление диссимилятивного принципа в строении просодического центра слова в речи женщин, нежели в речи мужчин, достигается не удлинением предударного гласного в речи первых, а сокращением длительности гласного под ударением в речи вторых.

Полученные данные свидетельствуют также о том, что позиция начала фразы благоприятна для реализации всех гласных, как ударных, так и безударных. Поэтому здесь более заметно влияние ударного гласного на гласный предударного слога. В безакцентных позициях середины фразы количественные соотношения предударных и ударных гласных оказываются более сглаженными. В позиции конца фразы, где обычно реализуется рема, длительность обоих гласных возрастает.

Таким образом, согласно приведенным данным, общее впечатление о продленном предударном гласном в московской речи фактически создается благодаря продлению гласного *а* перед гласными верхнего подъема в женской речи[10] и преимущественно в позиции конца фразы.

Обнаруженные гендерные различия интересны не столько сами по себе, сколько применительно к обсуждаемому положению о диалектной основе фонетики литературного языка. Женщины – хранительницы традиций – более устойчиво сохраняют в своей речи следы более раннего состояния языковой системы, о чем свидетельствуют и полученные нами данные о количественных характеристиках гласных.

4. Ниже будут рассмотрены соотношения между длительностью предударных гласных и их мелодическими характеристиками. В проанализированных нами примерах случаи произношения акцентно выделенных слов (например, *Татúн – это слово; Слово татúн повтори; Слово татúн уже было*) обычно сопровождались реализацией сверхдолгого предударного гласного, например, [а:] –от 120 до 150 *мсек*, [и:] – от 80 до 100 *мсек*. Длительность предударного гласного в таких примерах могла превышать длительность гласного под ударением. При этом привычная ритмическая схема реализации фонетического слова, а вместе с ней и диссимилятивный принцип количественных соотношений предударного и ударного гласных могли нарушаться. Такое произношение обычно сопровождалось повышением тона на предударном гласном, в то время как на ударном гласном тон понижался. См. осциллограммы и интонограммы на рис. 3.

[10] Такое произношение отмечается изредка и в речи мужчин, но подобная мужская речь воспринимается как нетипичная для представителей этого пола, женственная.

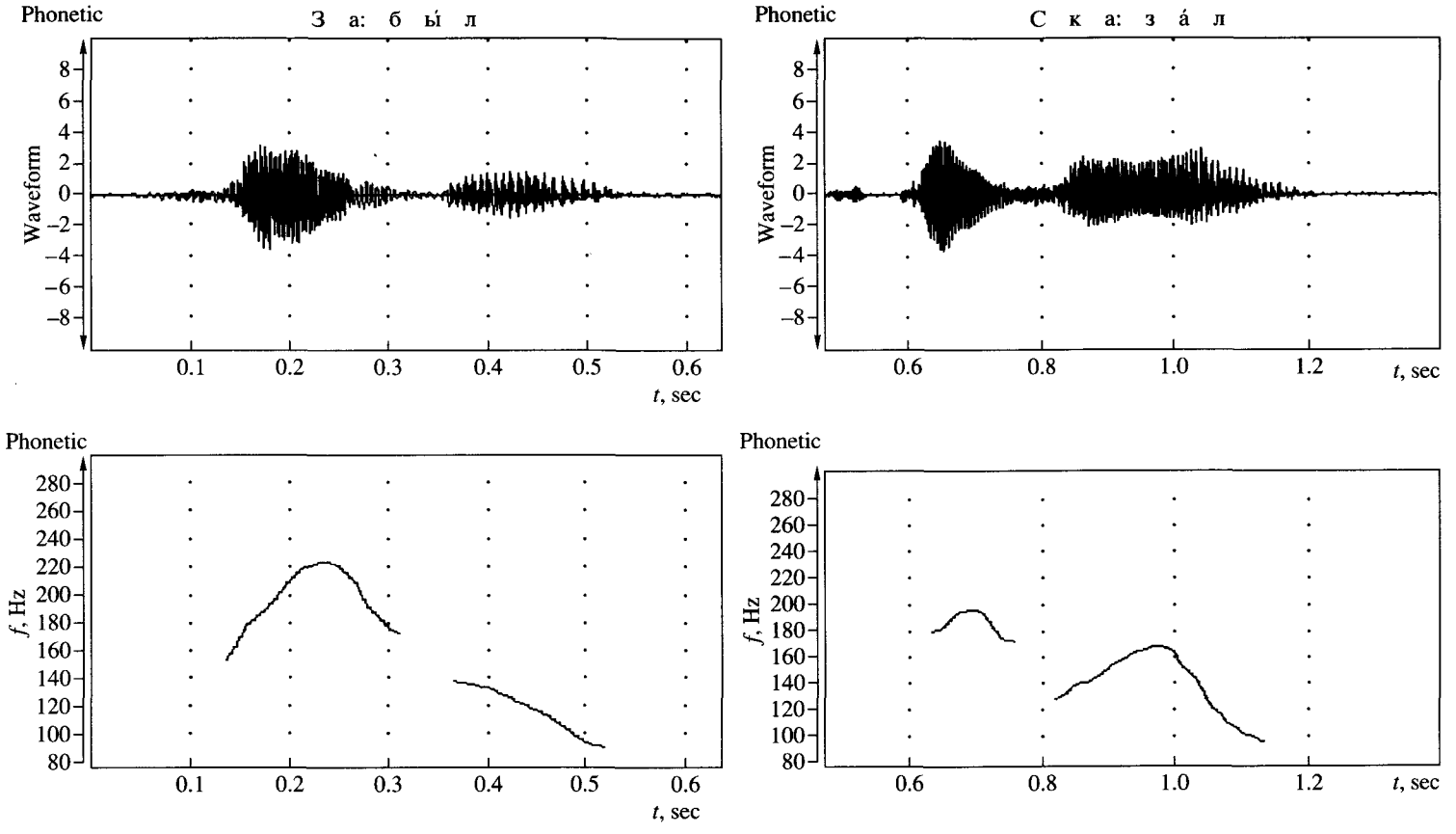


Рис. 3. Осциллограммы и интонограммы в репликах-ответах *За:бы́л* и *Ска:за́л* (мужской голос). Можно видеть увеличенную длительность, интенсивность и повышение тона на гласном [а:] 1-го предударного слога.

Впервые на возможность такого мелодического оформления отдельных слов в высказываниях на материале нескольких калужских говоров с диссимилятивным аканьем обратил внимание О. Брок. Он писал: "...если ударение лежит не на первом слоге, – типичная форма интонации такая, что слог *перед* ударяемым имеет высокий тон, между тем как ударяемый слог выговаривается на значительный интервал ниже... при этом образе речи удлинение слога предударного очень сильно (подчеркнуто мною. – *Р.К.*)" [Брок 1916: 8]. Норвежский лингвист связывал такой тип интонирования с сохранением в говорах архаической ("старомодной", по Броку) "интонации слова", обращая внимание на то, что в более традиционном говоре такой тип интонации сохраняется лучше. Он же отметил такую возможность и в речи его современников-москвичей: «...столь характерную интонацию слова можно сравнить с движением тона, напр., в московском подтвердительном "была" как ответ на вопрос... Эта старомодная интонация – вместе с удлинением известных предударных слогов... сохраняется особенно у старых людей» [Там же: 8].

Согласно нашим наблюдениям, в говорах с диссимилятивным аканьем слова́ *а*-модели и слова *ə*-модели под акцентом имеют разные мелодические оформления: реализация слов *а*-модели связана с высоким нисходящим тоном на предуда́рном гласном и низким на гласном под ударением, в то время как слова *ə*-модели произносятся с низким восходящим тоном на предударном гласном и с дальнейшим повышением тона или сохранением высокого ровного тона на гласном под ударением.

О связи удлинения предударного гласного с повышением тона на нем в русской разговорной речи писала Т.М. Николаева [Николаева 1969], а позднее Н.Н. Розанова [Розанова 1988: 214]. Она же отметила, что эта особенность характеризует женскую речь в большей степени, чем мужскую [Там же: 213], и встречается это просодическое явление преимущественно в завершении синтагмы или фразы. На нашем материале это наблюдение в общих чертах подтвердилось, но оказалось, что в этом отношении гендерные различия отсутствуют. Нарушение ритмической схемы фонетического слова с продлением предударного гласного в указанных фразовых позициях наблюдается в эмоционально нейтральных текстах, в речи как женщин, так и мужчин.

Это обращает на себя внимание, например, в новостных программах радио, см. примеры (в скобках отмечена гендерная принадлежность диктора): *Теперь слово Б*[а:]*гда́ду* (м.); *Рейтинг губернатора упал почти на 20 пр*[а:]*це́нтов* (м.); *В этом случае государство понесет существенные* [у:]*бы́тки* (ж.); *На Камчатку вновь обрушился мощный ц*[ы:]*кло́н* (м.); *Передаем обзор российской и зарубежной п*[и:]*ча́ти* (ж.); *Этот сквер увековечил в своем романе Б*[у:]*лга́ков* (м.); *В столице Великобритании проходит конкурс п*[а:]*жа́рных* (ж.); *Команда вновь стала чемпионом Р*[а:]*ссии́* (м.); *Надвинутся циклоны, а из-за них* [а:]*са́дки* (м); *84 человека по-прежнему находятся под з*[а:]*ва́лами* (м); *Теперь хотят повысить налоги на ф*[и:]*зи́ческих лиц* (ж); *4-го мая будет проводиться очередной митинг оппозиции в Б*[а:]*ку́* (ж); *Один человек п*[а:]*ги́б, и четверо получили ранения* (м); *Экстренное сообщение о гибели семидесяти человек на китайской п*[а:]*ло́дке* (м). Во всех этих случаях наблюдалось не только продление предударного гласного, но и повышение тона на нем. При этом из приведенных примеров видно, что возможно удлинение не только [а], но и гласных верхнего подъема, а также то обстоятельство, что это удлинение не зависит от качества гласного под ударением.

То же наблюдается и в жанре интервью с различными политическими деятелями, писателями и людьми искусства, передаваемых по радио, где эмоциональная окраска речи выражена более ярко, чем в примерах, приведенных в предыдущем абзаце. Ниже приводятся фрагменты записи радиоинтервью с композитором А. Королевым: *Я стал к этому подх*[а:]*ди́ть потихонечку..., пои́грывать; Ну да, это понятие св*[а:]*бо́ды; Это звучит не только кр*[а:]*си́во, это звучит напряженно; Музыка – это проявление тех состояний д*[у:]*ши́, которые могут также быть выражены цветом.*

Примеры из интервью с актером А. Баталовым: *Это все было п*[а:]*ня́тно; Как бы они ни сделали к*[а:]*рье́ру, это уже не имеет значения. Но избираться можно*

беск[а:]*нéчно. Впрочем, один существенный м*[а:]*мéнт...надо отр*[а:]*зúть. Это было такое послание из Питера в М*[а:]*скву.*

Примеры из интервью с Б.Е. Немцовым: *Это был первый московский пр*[а:]*цéсс; Когда-нибудь в России будут х*[а:]*рóшие дороги.*

Следует отметить, что приведенный способ оформления тональных акцентов не является обязательным – скорее его можно определить как факультативный. В речи одних говорящих подобный способ акцентирования преобладает, в речи других он полностью отсутствует. И в этом последнем случае у слушающего не создается впечатления о слишком сильном (не в терминологическом смысле) аканье говорящего. Сильное аканье московского типа связано со специфическим тональным и темпоральным оформлением фразовых акцентов – с высоким тоном на гласном 1-го предударного слога[11], и с его значительным продлением. Заметим, что такие сегменты представлены не в каждом высказывании, а в тех высказываниях, где они имеются, их количество невелико – один, два. Однако именно они создают общий колорит акающей речи.

В наших предшествующих работах неоднократно приводились примеры ослышек, когда предударный слог воспринимался как ударный и наоборот. В ходе настоящего исследования прояснилось, что ослышки возникают именно при продлении и повышении тона на гласном предударного слога – в таких случаях этот гласный воспринимается как слог, несущий ударение. См. примеры:

В горáх – в Гáграх (Это мы были в г[а:]*рáх). С сы́ром – сырым (Этот салат с с*[ы́]*ром надо есть). С ви́нными – свиньми (Его готовят с в*[и́]*нными ягодами). Ранéния получили – рáнее не получили (Несколько человек все-таки р*[а:]*нéния получили). Порыв – пáры (Надо было унять п*[а:]*рыв). Олéг – Алик – постоянная ослышка. Главы́ государства – глáв государств (Обращение гл*[а:]*вы́ государства). Граждáнских – грáждан. Отцы́ – áкции (И вот тогда начали* [а:]*тцы́).*

Ранее во многих работах неоднократно отмечалось, что реализация предударных гласных с удлинением и повышением тона характерна и для речи уличных зазывал и торговцев. Добавим к этому наблюдению, что гендерная принадлежность в таких случаях не играет роли. Вот некоторые примеры:

Экскурсия по М[а:]*скве* (ж.)! *Т*[а:]*кси́! Т*[а:]*кси́! Кому т*[а:]*кси́* (м.)! *Пирожки г*[а:]*ря́чие! С к*[а:]*пу́стой! С к*[а:]*рто́шкой* (ж.)! *Подх*[а:]*ди, нал*[и^{e}:]*тáй!* (м.)

Во всех этих случаях представлено тонально-темпоральное акцентирование 1-го предударного слога, не связанное с семантикой. Оно скорее выполняет функцию ритмической организации текста.

Другое положение наблюдается в эмоционально окрашенных высказываниях. По наблюдению Е.А. Брызгуновой, "эмоциональные реализации регулярно изменяют ритмическую структуру слова", что отражается и на длительности гласных, и на мелодике [Брызгунова 1984: 28]. Акцентное оформление таких высказываний, как *Она с*[а:]*всем не умеет готовить! Это т*[а:]*кáя у́мница! Он т*[и:]*пи́чный бездельник!* свидетельствует о том, что тональное и темпоральное выделение 1-го предударного слога в этих случаях связано с семантикой. Акцентом выражается усиление высокой степени признака, выраженной лексически – словами *совсéм, такáя, типи́чный*. В таких высказываниях, как *Это Н*[а:]*тáша пришла* (а не кто-то другой); *Он ведь работает в т*[и^{e}:]*áтре!* (а не где-то еще), тонально-темпоральный акцент на 1-м предударном слоге выполняет контрастивную роль. Прослушивание текстов спонтанной речи создает впечатление, что семантически нагруженное акцентирование 1-го предударного слога больше свойственно эмоциональной речи женщин, чем мужчин. Для проверки этого впечатления был проведен небольшой эксперимент.

---

[11] Т.е. с *заносом* – этот термин был введен в интонологию в работе [Всеволодский-Гернгросс 1922: 47] и используется вплоть до настоящего времени, например, в работах нидерландской русистки С. Оде (см., например [Odé 1989]).

Были записаны следующие высказывания с различными модальными установками, включающие слово *Степан*, поскольку было важно проверить произношение [и^{e}] в 1-м предударном слоге перед *а* под ударением: *Степан Иванович, сделайте хоть что-нибудь!* (просьба); *Степан Иванович, вы опять не позвонили!* (упрек); *Степан Иванович не мог так поступить!* (удивление); *Его зовут Степан* (а не Михаил, Семен, Петр – отношение контраста). Записи были сделаны в женском и мужском произношении.

Анализ тонального оформления этих высказываний позволил определить, что для женского произношения характерно наряду с акцентом на ударном гласном появление еще и дополнительного тонального акцента на гласном [и^{e}] 1-го предударного слога, т.е. двойное акцентирование. Длительность этого гласного при таком типе акцентирования всегда была увеличенной: от 80 до 95 *мсек*. Высказывания, содержащие просьбу и упрек, были произнесены однотипно – с двумя падающими акцентами (HL*–HL*[12]), высказывание, выражающее удивление, было оформлено сочетанием падающего и восходящего акцентов (HL*–LH*), а выражение скрытого контраста нашло отражение в сочетании восходящего акцента с ровным тоном (LH*–LL*).

В мужском произношении во всех высказываниях, кроме контрастивного, наблюдалось акцентирование только ударного гласного и не отмечалось удлинения гласного 1-го предударного слога. Высказывание с контрастивным значением, выраженным акцентированием конечного слова, в мужском произношении было оформлено падающим терминальным тоном, начинающимся на предударном гласном. Удлинения предударного гласного при этом также не наблюдалось.

Таким образом, в современной московской речи отмечаются следующие виды интонационно-обусловленного продления предударных гласных: 1) семантически не нагруженное, обусловленное определенной фразовой позицией и 2) семантически нагруженное, связанное с реализацией фразовых акцентов, размещение которых в высказывании определяется прагматической установкой.

Первое не связано с гендерными различиями и относится к сфере фразовой просодики. Возможно, что в этом случае мы имеем дело с сохранением архаической словесной просодики, отмеченной еще в начале века на диалектном (южнорусском) материале, а также и в московской речи того времени О. Броком.

Второе, как кажется, имеет выраженную гендерную прикрепленность.

В заключение отметим, что наши данные, полученные "в лабораторных условиях" (in vitro), то есть на материале чтения подготовленных текстов, по большей части согласуются с данными исследований разговорной речи. Однако на существование в системе московского предударного вокализма диссимилятивного принципа организации его просодического центра до сих пор не было обращено внимания, хотя анализ некоторых текстов русской разговорной речи показал, что имплицитно сведения об этом присутствуют и в них.

Ранее в статье [Пауфошима 1980] было показано, что предударная (кроме 1-го предударного слога) и заударная части многосложных слов в литературном языке подчиняются ассимилятивному принципу – настройке на последующий гласный. Исследование, результаты которого приведены в статье, показало, что этот принцип сочетается в рамках той же системы с диссимилятивным, которому подчиняется длительность гласного 1-го предударного слога. Из этого можно сделать вывод, который на первый взгляд может показаться парадоксальным: разные части слова подчиняются разнонаправленным закономерностям. Однако в данном исследовании имелась в виду только количественная диссимиляция – не исключено, что обнаруженные квантитативные отношения в пределах просодического центра не препятствуют тембровой настройке 1-го предудар-

[12] Использованы элементы интонационной транскрипции, принятой в системе ToBI, основывающейся на работе [Pierrehumbert 1980]: L – низкий тон, H – высокий тон, * – акцент.

ного гласного на гласный ударного слога, и тенденция к "предвосхищению" качества последующего гласного распространяется и на эту часть фонетического слова.

Были также обнаружены некоторые гендерные различия в интонационном оформлении отдельных высказываний с определенной семантикой или определенными коммуникативными целеустановками. Продолжение работы в этом направлении поможет сделать картину социофонетических различий в области предударного вокализма более полной.

Однако уже сейчас становится понятным, что сегментные характеристики предударных гласных неотделимы от суперсегментного (просодического) уровня высказывания, связанного самым тесным образом с семантикой высказывания, с размещением в нем акцентов и с характером этих акцентов.

Поэтому о характере русского предударного вокализма и аканья в частности невозможно рассуждать в отрыве от просодических характеристик фразы и слова, системы фразовых акцентов и фокусирования, характера таймирования акцентов и ряда других интонологических феноменов.

Показанная в статье связь реализации в высказываниях широкорастворного *а* с определенными тональными характеристиками не является единой для всего русского диалектного пространства – узкорастворное *а* связано с совершенно иными мелодическими характеристиками, чем рассмотренные в рамках настоящего исследования. Анализ связей узкорастворного *а* с особенностями просодики фразы требует специального дополнительного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альмухамедова, Кульшарипова 1980 – *З.М. Альмухамедова, Р.Э. Кульшарипова.* Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах. Казань, 1980.

Баринова 1973 – *Г.А. Баринова.* Фонетика // Русская разговорная речь / Под ред. Е.А. Земская. М., 1973.

Белая 1974 – *А.С. Белая.* К характеристике квантитативно-просодических различий в надсновских говорах на Черниговщине // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1971. М., 1974.

Болла 1968 – *К. Болла.* Некоторые вопросы соотношения длительности гласных звуков русской речи // Вестник МГУ. 1968. № 3.

Брок 1910 – *О. Брок.* Очерк физиологии славянской речи // Энциклопедия славянской филологии. Т. 5. СПб., 1910.

Брок 1916 – *О. Брок.* Говоры к западу от Мосальска. Петроград, 1916.

Брызгунова 1984 – *Е.А. Брызгунова.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.

Войтович 1972 – *Н.Т. Войтович.* К вопросу о путях развития аканья в восточнославянских языках // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970. М., 1972.

Всеволодский-Гернгросс 1922 – *В. Всеволодский-Гернгросс.* Теория русской речевой интонации. Петербург, 1922.

Высотский 1973 – *С.С. Высотский.* О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

Высотский 1984 – *С.С. Высотский.* О московском народном говоре // Городское просторечие. Проблемы изучения. М., 1984.

ДАРЯ 1986 – Диалектологический атлас русского языка. Вып. 1. Фонетика. М., 1986.

Земская, Китайгородская, Розанова 1993 – *Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова.* Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.

Златоустова и др. 1968 – *Л.В. Златоустова, И.Г. Фролова, Е.В. Ленина, И.П. Оловянникова, И.Ф. Бывшева.* Исследование длительности неударных гласных в зависимости от фразовых условий // Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики / Под ред. В.А. Звегинцева. М., 1968.

Каленчук, Касаткина 1997 – *М.Л. Каленчук, Р.Ф. Касаткина.* Словарь трудностей русского произношения. М., 1997.

Касаткин 1982 – *Л.Л. Касаткин.* Фонетика // Современный русский литературный язык / Под ред. П.А. Леканта. М., 1982.
Касаткин 1999 – *Л.Л. Касаткин.* Современная русская и диалектная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
Касаткин 2002 – *Л.Л. Касаткин.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 2002.
Касаткина 1996 – *Р.Ф. Касаткина.* Среднерусские говоры и ритмика слова // Просодический строй русской речи / Под ред. Т.М. Николаева. М., 1996.
Касаткина 1997 – *Р.Ф. Касаткина.* Некоторые наблюдения над ударением в говорах Гдовского района Псковской области // Псковские говоры. История и диалектология русского языка / Ed. J.I. Bjornflaten. Oslo, 1997.
Касаткина, Щигель 1995 – *Р.Ф. Касаткина, Е.В. Щигель.* Ассимилятивно-диссимилятивное аканье // Проблемы фонетики II. М., 1995.
Китайгородская, Розанова 1995 – *М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова.* Русский речевой портрет. Фонохрестоматия.М., 1995.
Китайгородская, Розанова 1999 – *М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова.* Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.
Николаева 1969 – *Т.М. Николаева.* Фонетика сложного предложения в славянских языках. М., 1969.
Панов 1967 – *М.В. Панов.* Русская фонетика. М., 1967.
Пауфошима 1978 – *Р.Ф. Пауфошима.* Перестройка системы предударного вокализма в одном вологодском говоре // Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. М., 1978.
Пауфошима 1980 – *Р.Ф. Пауфошима.* Активные процессы в современном русском литературном языке (ассимилятивные изменения безударных гласных) // ИАН СЛЯ. 1980. № 1.
Розанова 1984 – *Н.Н. Розанова.* Современное московское просторечие и литературный язык (на материале фонетики) // Городское просторечие. Проблемы изучения. М., 1984.
Розанова 1988 – *Н.Н. Розанова.* Об одной особенности старомосковского произношения в современной речи москвичей // Разновидности городской устной речи. М., 1988.
Савинов 2003а – *Д.М. Савинов.* К вопросу о происхождении умеренного яканья в говорах Тульской области // Русский язык сегодня. 2. Активные языковые процессы конца XX века / Под ред. Л.П. Крысина. М., 2003.
Савинов 2003б – *Д.М. Савинов.* О диссимилятивной основе предударного вокализма в говорах Тульской области // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.). / Под ред. А.М. Молдована и В.Н. Белоусова. М., 2003.
Чекмонас 1987 – *В.Н. Чекмонас.* Территория зарождения и этапы развития восточнославянского аканья в свете данных лингвогеографии // RLing. II, 1987.
Щерба 1912 – *Л.В. Щерба.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.
de Silva 1999 – *V. de Silva.* Quantity and quality as universal and specific features of sound systems: Experimental phonetic research on interaction of Russian and Finnish sound systems. Jyvaskyla, 1999.
Odé 1989 – *C. Odé.* Russian intonation: a perceptual description. Amsterdam, 1989.
Pierrehumbert 1980 – *J. Pierrehumbert.* The phonology and phonetics of English intonation. MIT, 1980.